

УДК 94(47):323.27:316.423.3«19»

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года – одно из ключевых политических событий XX ст.

Мандрик И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье освещается актуальная проблема отечественной истории, связанная с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. в России. Комплексный анализ разнообразных источников позволил автору дать вполне объективную характеристику положения в стране в предоктябрьский период, показать обусловленность растущего противостояния народа и власти, закономерно завершившегося социальной революцией.

Цель – исследование советской и постсоветской историографии о закономерности и случайности Октябрьской революции 1917 г.

Материал и методы. Анализу подвергнут обширный фактический материал: монографии, журнальные публикации отечественной и зарубежной историографии, раскрывающие социально-экономическую, общественно-политическую и духовную жизнь населения России на рубеже XIX–XX вв. Работа основывается также на литературе, подготовленной самим автором в предыдущие годы. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности и социальности.

Результаты и их обсуждение. По сегодняшний день среди ученых и политиков не существует единого мнения насчет закономерности Октябрьской революции в России в начале XX ст. и последующего выбора большевиками пути развития страны. В год 100-летия социальных революций в России исторической науке предстоит разработать и обсудить актуальные проблемы, связанные с этим периодом. Введение в научный оборот фактического материала позволило автору статьи сделать попытку переосмысления революционного процесса и обосновать вывод о том, что осенью 1917 г. в России имел место общенациональный кризис. В таких условиях совершенно закономерными были негативная реакция широких слоев населения и рост революционного движения в демократическом направлении. Умело воспользовавшись возникшими обстоятельствами, РСДРП добилась признания своей программы среди трудового народа, подготовила вооруженное восстание, которое 25 октября 1917 г. привело к положительному результату.

Заключение. Октябрьская революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество нерешенных вопросов, одним из самых дискутируемых среди них остается вопрос о ее закономерности и случайности.

Ключевые слова: буржуазная революция, Великая Октябрьская социалистическая революция, случайность и закономерность.

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 5–12)

The Great October Socialist Revolution of 1917 as One of the XXth Century Key Political Events

Mandriki I.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article centers round a topical issue of the national history which refers to the Great October Socialist Revolution of 1917 in Russia. A complex analysis of various sources made it possible for the author to present an objective characteristic of the situation in the country in the pre-October period, to show the conditions of the growing confrontation between the people and the authorities which ended up in a social revolution.

The purpose of the article is analysis of Soviet and post-Soviet historiography on the regularity and contingency of the 1917 October Revolution.

Material and methods. A vast factual material was analyzed: monographs, journal publications of home and foreign historiography, which reveal social economic, public and political as well as spiritual life of the population of Russia in the late XIXth – early XXth centuries. The work is also based on the author's own earlier written sources. The methodological basis of the research is principles of historicism, objectivity, system and social approach.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

Findings and their discussion. *Until now there is no agreement among scholars and politicians on the lawful character of the October Revolution in Russia in the early XXth century and on the following choice by the Bolsheviks of the way of historical development. In the year of the hundredth anniversary of the social Revolutions in Russia the historical science will have to elaborate and discuss the topical issues of the period. The introduction of factual material into the scientific circulation made it possible for the author to reconsider the revolution process and substantiate the conclusion about the presence of the nation wide crisis which took place in the autumn of 1917 in Russia. In such circumstances the negative reaction of wide masses of people as well as growth of revolutionary movement in the democratic direction was absolutely lawful. Russian Social Democratic Party made use of the circumstances and gained recognition for its program among working people, it prepared the armed riot which succeeded on October 25, 1917.*

Conclusion. *The 1917 October Revolution has left a great amount of questions for researchers to answer, one of the most controversial among them being its lawful or contingent character.*

Key words: *bourgeois revolution, the Great October Socialist Revolution, natural and contingent character.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 5–12)

В данном исследовании раскрывается актуальная для нынешнего времени проблема закономерности и случайности развития исторического процесса в Российской империи в начале XX ст. В этой связи анализируются работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные вопросам социальных революций в России, социально-экономического развития страны и ее регионов на переломном этапе. Следует отметить, что разночтения по данной проблеме накапливались постоянно, и по истечении 100-летнего периода в обширной монографической литературе, журнальных публикациях образовалось достаточно спорных позиций, которые требуют сегодня своего переосмысления.

Цель – исследование советской и постсоветской историографии о закономерности и случайности Октябрьской революции 1917 г., обобщение имеющихся взглядов и оценка их правомочности.

Материал и методы. Анализу подвергнут обширный фактический материал: монографии, журнальные публикации отечественной и зарубежной историографии о социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни России на рубеже XIX–XX вв. Работа основывается также на литературе, подготовленной нами в предыдущие годы. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности и социальности.

Результаты и их обсуждение. Осенью текущего года исполняется 100 лет одному из ключевых политических событий XX столетия. 25 октября 1917 г. (7 ноября по новому стилю) в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, в стране утвердилась власть Советов.

В отечественной советской историографии в прежние годы накопилось немало изданий, в которых это явление определялось как величайшее исторически важное, ключевое политическое событие для России и всего мира. Такая позиция поддерживалась

целым рядом зарубежных исследователей и политиков. Российскую историю периода конца XIX – начала XX ст. они рассматривали преимущественно в рамках принятой на Западе концепции индустриальной модернизации. Согласно данной концепции развитие исторического процесса разделено на пять стадий, где России отводилась роль страны догоняющего развития – «второго эшелона». Создатель этой теории У. Ростоу считал, что Россия к промышленной модернизации приступила лишь в конце XIX века, поэтому в начале XX ст. в связи с экономическим кризисом 1900–1903 гг. социально-политические противоречия здесь обострились до предельного уровня. Губительные последствия мирового кризиса в полufeодальной России проявились острее и глубже, чем в других государствах, вызвав раскол русского общества. В это время в стране реально имелись все объективные предпосылки растущего противостояния народа и власти. Революционное движение шло по нарастающей: революция 1905–1907 гг. есть закономерная реакция широких слоев населения на те порядки, которые существовали тогда в России [1]. Как видно, вопрос о закономерности Первой русской революции 1905–1907 гг. зарубежными учеными, как правило, под сомнение не брался. Слияние Февральской и Октябрьской революций в единый революционный процесс 1917 г. большинство зарубежных (в последние годы и отечественных) историков отрицают. События эти, в их понимании, были совершенно разными.

Февраль 1917 г. они рассматривали, чаще всего, как нежелательное явление, которое вылилось в острую политическую борьбу за власть. Россия этого периода им представлялась как преуспевающая держава, имеющая объективную предпосылку к дальнейшему прогрессу.

По их мнению, в 1917 г. Россия, как и многие другие европейские империи, подошла к эволюционным (а не к революционным) демократическим преобразованиям. Никакой революции в феврале 1917 г.,

как они представляют, не было: эпоха абсолютной монархии заканчивалась, в стране действовала уже Государственная дума четвертого созыва. На добровольный уход царя от власти подвигли вполне закономерные явления (складывающиеся капиталистические производственные отношения) и демократические формы протеста с требованием либерализации режима, в результате чего было сформировано Временное правительство. 6 октября оно распустило думу и началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, которое должно было стать коллегиальным органом государства [2]. Преобразования после 27 февраля 1917 г., на их взгляд, проходили ненасильственным путем, поскольку полностью поддерживались как элитой, так и большинством общества. Россия совершенно эволюционно стала республикой и вступила в эпоху демократии.

Что касается Октября и прихода к власти большевиков во главе с В. Лениным, то это событие в зарубежной историографии подводится под концепцию «случайности». Отмечается, что послефевральская Россия не сумела преодолеть трудности цивилизационным путем исключительно из-за экстремизма большевиков. То, что произошло в конце октября 1917 г., по мнению авторов, нельзя называть революцией, это был государственный переворот, поставивший крест на российской демократии. Такой же оценкой в последние годы Октябрьская революция все чаще определяется и отечественными историками и публицистами.

Отдельные авторы, освещавшие историю Октябрьской революции, увидели ее конечный результат в заговоре непонятно как сложившегося «единого мирового еврейско-масонско-большевистского» союза. Становым хребтом заговора они называют «Протоколы сионских мудрецов» [3, с. 66].

Комплексный системный анализ научных работ отечественных авторов дает возможность отметить, что исторические события Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и главные действующие в них лица в нашей истории переживали серьезную трансформацию. В ранней советской историографии господствовал тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России от Запада, исходя из этого исследователи делали вывод о неразвитости российской экономики, забитости и некультурности народа, бездарности и близорукости императора и всей самодержавной иерархии. Имущие слои выглядели

как единая реакционная сила. Причины народных движений сводились в основном к непримиримой классовой борьбе, резко обостряющейся в экстремальных условиях. Наглядный пример этому – вышедший в 1938 г. учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Здесь Февральская революция раскрывалась как событие периода империалистической войны. Война из фактора ускорителя революции превращалась в ее причину. В данном и других учебниках абсолютизировался классовый характер Октябрьской социалистической революции, беспартийно утверждалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция, смена политического режима и социально-экономического устройства России на этом этапе подготовлены и проведены пролетариатом под руководством РСДРП(б) [4].

В 1960-е гг. советская историография преодолела тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России. Вслед за зарубежными учеными отечественные историки стали высказывать суждения, что к началу Первой мировой войны Россия была страной среднеразвитого капитализма, по уровню монополизации и концентрации производства находилась в числе передовых стран. В то же время слабость России по сравнению с другими империалистическими государствами заключалась в том, что в ее экономическом, социальном и политическом строе еще далеко не всегда были изжиты остатки феодализма. В этом историки видели основной фактор более быстрого революционного созревания пролетарских масс, что давало веские основания для формирования в стране широкого оппозиционного движения, которое шло по восходящей траектории. Это привело к революционным событиям и предопределило успех Февральской и Октябрьской революций. Большинство исследователей стали считать Февральскую революцию по характеру буржуазно-демократической, одновременно – исходным пунктом перехода к новому социалистическому этапу [5].

До середины 80-х гг. прошлого века, зная, что произошло в октябре 1917 г., революционный процесс советские историки вольно или невольно подгоняли под закономерный итог, преподносили его как чрезмерно организованное, планомерное, искусно подготовленное большевиками событие. Стихийное движение рабочих и крестьян на местах, их поиски выхода из кризисного положения рассматривались лишь

как отражение революционной борьбы в центрах страны. Главными факторами «повлечения» осенью 1917 г. не только низов, но и верхов в фундаментальных отечественных исторических работах назывались плачевное экономическое состояние страны, неспособность режима организовать военную экономику, наладить снабжение населения продовольствием. Утверждалось, что в условиях войны усиливались антивоенные и революционные настроения в обществе, армии, происходили резкая радикализация настроений интеллигенции и политическая изоляция самодержавия.

С течением времени, особенно после распада СССР, в отечественной исторической литературе обозначилось существенное различие, подчас противоположность в освещении Октября 1917 г. Одни считали переход власти к большевикам в 1917 г., как и ранее, закономерным и справедливым исходом для того времени, революцию продолжали именовать Великой Октябрьской социалистической. Указывали, что она положила начало новой эре в истории всего человечества. Одобрительно относились к тому, что в СССР 7 ноября, день Великой Октябрьской социалистической революции был праздником и выходным для миллионов сограждан нашей страны в трех поколениях [6, с. 24–27]. Другие (таких авторов становилось все больше) — наоборот характеризовали это явление во всех смыслах негативно для России и Беларуси. Во многих бывших союзных республиках подобные утверждения переняли и официальные круги, день 7 ноября вспоминали только с подчеркнuto негативным оттенком. Социалистическое прошлое подвергали уничтожительной критике.

Восприятие Октябрьской социалистической революции 1917 г. заметно изменилось в самой ее цитадели — Российской Федерации. Ранее большинство ученых делали вывод о том, что в России было две революции — Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская — социалистическая как вершина многовековой освободительной борьбы трудящихся. Сегодня многие исследователи (а с этим соглашаются и официальные российские власти) склоняются к тому, что в 1917 г. была одна революция. Все события от февраля до октября 1917 г. в российских школах изучаются по-новому. В историко-культурном стандарте время Великой Российской революции в списке исторических дат — февраль–ноябрь 1917 г. Налицо

«качественно новые» историографические выводы. В какой логике подаются эти два события, пока в учебниках не объясняется. Как отмечают отдельные российские историки, идея, заложенная в историко-культурном стандарте, — предельно простая и понятная, отсылающая к неудачной попытке Б. Ельцина назвать 7 ноября «днем примирения и согласия».

Белорусские историки в последнее время вместе с отказом от мифологизированных подходов к истории страны также меняют свои взгляды на историю Октябрьской революции. Большинство из них, признавая Великую Октябрьскую революцию как событие мирового масштаба, не считают, что она имела, как это утверждалось ранее, фатальную неизбежность. В учебном пособии для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, под редакцией Я.И. Трещенка утверждается, что разумная политика царского правительства и его союзников по Антанте могла разрядить революционный кризис, перевести его в режим необходимых для страны социальных реформ, ограничив монархию как историческую форму власти представительными учреждениями. Говорится, что после отмены крепостного права правительство России понимало важность модернизации страны, содействовало ускоренному промышленному развитию. Несмотря на подорванность авторитета монархии, в народных массах он еще прочно сохранялся. Российское государство воспринималось как «царство» [7, с. 18].

Как видно, по мере отдаления от свершившихся трех российских революций взгляды одних и тех же авторов на эти события имеют тенденцию к быстрой эволюции, у отдельных авторов они меняются радикально. Под воздействием зарубежных авторов в марксистскую концепцию развития общества и природы вносятся фундаментальные изменения. Серьезный характер среди ученых принимают в последние годы дискуссии о политическом, социальном и экономическом устройстве, которое сложилось в России и других странах в результате этих событий.

В некоторых бывших советских республиках взгляды по этой проблеме, чаще всего, выражаются в обостренном неприятии прошлого и носят политическую окраску. Допускается сознательное искажение и спекулятивное прочтение программы большевиков. Революционный процесс относят к случайности, во всем, что произошло,

обвиняют народ, говоря о его недомыслии, а большевиков и Ленина — в подготовке восстания и привлечении к нему «выбитых из привычной жизненной колеи маргиналов», которые выступили в роли детонатора революции. Отдельные белорусские авторы дошли до утверждений, что Октябрьская революция была величайшей трагедией в истории нашей страны.

В научных кругах не принято искать крамолу или обвинять авторов в радикальных изменениях собственных воззрений на происходящие события. Здесь, скорее всего, к месту будет вывод авторитетного английского политика и историка Э. Карра о том, что «историк — человек своего времени и привязан к нему условиями своего существования как человек» [8, с. 10]. Историк — часть истории, он отражает общество, в котором живет. Историк сам изменчив, потому события, особенно потрясающие воображение миллионов, он пытается раскрыть, опираясь на разработанность проблемы и собственные (субъективные) взгляды. В принципе каждый ученый, будучи во всеоружии исторических фактов и знаний (именно так, а не иначе), вправе иметь свое видение на явления изучаемого им отрезка времени. Важное место в объективном освещении прошлого, конечно же, имеют уровень развития общества, его культурный и нравственный потенциал, методологические установки, степень взаимодействия общественных наук.

События октября 1917 г. как объекта для пристального научного изучения и публичных обсуждений, конечно же, требуют осмысления и переосмысления. Свое видение придает исследованиям индивидуальный, авторский характер, но критерием развития науки может быть только приближение к объективной истине и отражению реальной исторической действительности. В этой связи автор данной статьи считает, что разница во мнениях — это не повод для конфликтов, это повод для осмысления и нахождения единства, что с научной точки зрения является наиболее правильным подходом.

На наш взгляд, Февральская и Октябрьская революции могут остаться в истории (как это есть сегодня в Беларуси) двумя последовательными фазами единого процесса, начавшегося еще в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Первая революция и Февральская 1917 г. уникальны тем, что на данном этапе происходила ликвидация остатков феодального строя, устанавливалась власть буржуазии. Уча-

ствуя в этих революциях, рабочий класс и крестьянство, ведомые буржуазной интеллигенцией, приобрели опыт реальной демократии, получили политическое воспитание на практике.

Правомерно будет признать, что Февральская революция являлась исторически необходимой и прогрессивной, при этом имелась возможность мирного перехода власти к трудящимся через Советы (требования большевиков), которые рождены массами в 1905 г. И только в силу исторических обстоятельств подобное не стало реальностью. По мере того как Временное правительство обнаруживало неспособность наладить снабжение населения продовольствием, организовать военную экономику, среди всех слоев зрело недовольство к отжившей системе власти, причем не только у рабочих и крестьян, а более всего у радикально настроенной демократической интеллигенции. Российский мыслитель и современник революционных событий Ф. Степун считал, что революцию в России осуществила революционная интеллигенция, которая после реформ Александра II начала вырастать в политически активную силу [9, с. 67]. В условиях падения авторитета самодержавия из-за поражения в войне с Японией, неудачного развития событий для России в Первой мировой оппозиционная интеллигенция предприняла атаку на правительство. Важную роль интеллигенции в русской революции отмечал и М. Горький. Сопrotивляясь сложившимся тогда под влиянием В.И. Ленина марксистским взглядам о пролетарской революции, он писал, что именно интеллигенция, куда входили и большевики, воспитала сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности [10, с. 234–235].

Вспыхнувшая стихийно в феврале 1917 г. вторая русская революция смела царизм. Буржуазия создала Временное правительство как опору в борьбе за сохранение собственных позиций. Февраль положил начало второму — октябрьскому этапу. Большевики, опираясь на массы, стремились к решению более кардинальных вопросов, волнующих население: о мире, о земле, о ликвидации национального гнета, о свободе.

При этом необходимо учесть следующее положение: ход российских событий после Февраля таил в себе разный исход: Россия могла превратиться в конституционную монархию, буржуазно-демократическую республику, приобрести и другие формы правления, но в сложившихся условиях российской

действительности 1917 г. альтернативы Октябрьской революции была невелики. В результате экономического и политического кризиса, слабости и ошибок Временного правительства, авантюризма правых сил, радикализма «низов», растерянности меньшевиков и эсеров, политической воли большевиков (их понятным и своевременным лозунгам) реализованной оказалась большевистская программа [11, с. 174].

Утверждение о том, что несколько тысяч большевиков, разбросанных по необъятной России, виновны в свершившихся событиях в 1917 г., как и «масонский заговор», вряд ли можно воспринимать всерьез. Такое общественное явление, как революция, не может осуществиться без опоры на множество людей, на массы, которым эти преобразования выгодны. Революция — это крайняя мера протеста народа против нестерпимых условий жизни. Побеждает же революция, если идеи и лозунги ее руководителей принимают народные массы. Скорее, можно принять за правду и признать, что царский режим был близоруким, неэффективным, коррумпированным, в какой-то мере — обскурантистским. Участник Первой мировой войны, известный русский генерал и советский военный деятель А.А. Брусилов, сыгравший важную роль во многих событиях военной истории России конца XIX — начала XX столетия, пишет в своих воспоминаниях, что «к маю 1917 г. войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и никаких мер воздействия предпринимать было невозможно. Та или иная дивизия или корпус объявляли, что более на фронте оставаться не желают и уходят домой, предварительно выгнав свой командный состав и угрожая смертью всякому генералу, который осмелится к ним приехать» [12, с. 226, 227].

Смена власти в Октябре 1917 г. — закономерный результат для того трудного, даже трагического времени. Победа Октябрьской социалистической революции просматривалась в сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, близорукой политике царизма, социальном расколе общества и развитии социальной злости в обстановке неудачной войны. В Октябрьской социалистической революции воплощены вековые чаяния крестьянства и рабочего класса, жажда мира солдат и матросов, тяга народов национальных окраин России (в том числе и белорусов) к свободе и свету.

Совершенно очевидно, что новая страница, начало которой положил Октябрь

1917 г., вытекала из прошлого России. Основная проблема подъема масс во всех революциях — это вопрос идеологии. Бедные и униженные были, конечно же, увлечены идеологией тех партий (большевиков, меньшевиков, эсеров), в которой через пропагандистскую работу декларировались массам освобождение от эксплуатации и унижений, ликвидация безработицы, наделение крестьян землей, равенство всех наций и народностей. Близкие и понятные идеи большевиков о мире, о земле, о передаче заводов и фабрик рабочим, о создании Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, где последние будут полными хозяевами, были восприняты населением в тех экстремальных условиях как собственное спасение, они подняли авторитет этой партии.

Необходимо также признать, что, возглавив массы в период Октября, большевики нашли выход из трудной и противоречивой ситуации того времени. Новая власть действовала энергично, попытки внутренних контрреволюционных группировок и стран Антанты устранить власть большевиков окончились неудачей. Необратимость революционного процесса в сложнейших условиях, как видно, была гарантирована поддержкой широких слоев общества, стремящихся к переменам. В сентябре-октябре 1917 г. разруха, начало которой положено в 1915 г., распространилась на все отрасли и сферы народного хозяйства, приобрела всероссийский характер, дезорганизовала экономическую жизнь страны. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности России за 1917 г. сократилась на 36,4% по сравнению с 1916 г. Топливный голод привел к серьезнейшим проблемам железнодорожный транспорт. К октябрю 1917 г. железнодорожное движение на наиболее важных направлениях (Петроград, Москва) было почти парализовано.

Активное печатание бумажных денег, не имевших товарного покрытия, подорвало покупательную способность рубля: перед Февральской революцией она была равна 27 копейкам, перед Октябрьской — 6–7 копейкам. Реальная зарплата рабочих к октябрю упала до 40–50% от довоенного уровня. Защищая свои экономические интересы, рабочие втягивались в стачечное движение. Осенью 1917 г. волна массовых забастовок прокатилась на предприятиях Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, Бобруйска и других городов. Часто рабочие забастовки носили политический характер.

Росло крестьянское движение за раздел земли и отмену частной собственности. За август–октябрь в белорусских губерниях зафиксировано 206 крестьянских выступлений. Большинство из них были направлены против помещиков: крестьяне делили и запахивали землю, резали и угоняли скот, громили и жгли усадьбы, ломали и захватывали орудия, рубили леса и сады. Разрастался анархизм в армии [13, с. 484].

Таким образом, *подтверждается концепция: Великая Октябрьская социалистическая революция стала закономерным следствием того состояния, в котором оказалась Россия, и выходом из того тупика, из той смуты, которые постигли Россию после февраля 1917 г.* С точки зрения социально-политических последствий и социально-экономических результатов Великая Октябрьская социалистическая революция стала переходом страны в новое качество. Переходом трудным, болезненным, жертвенным, но очень важным. Конечно, любая революция наряду с положительными результатами несет и негатив: это – трагедия, это упадок. Но более трагичным для населения было то состояние, в которое Россия пришла к началу 1917 г., – разложение на фронте, казнокрадство в тылу.

Революции не бывают бескровными, каждая противоборствующая сторона с оружием в руках отстаивает свои права, убеждения, идеалы. Для правящих классов Российской империи это была потеря власти и собственности.

Октябрьская революция коренным образом отличалась от Февральской. Она осуществила переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической, ликвидировала эксплуатацию человека человеком, установила господство общественной собственности. Революция спасла страну от застоя. Как видно, большевики пришли к власти в силу парламентского, экономического и политического кризиса. Они победили только потому, что на их стороне было больше сил, в их лозунги в это время поверили массы. Какой из факторов, приведших их к победе, был решающим – это тема для дальнейшей работы обществоведов.

После Октября страна под руководством правящей коммунистической партии удивила весь мир своими успехами. При всей неоднозначности нашего отношения к руководящей роли КПСС у нее можно много поучиться и ныне. В стране создавались благоприятные условия для развития

экономики и культуры, развития национальных культур окраин. Введено бесплатное образование и медицинское обслуживание, 8-часовой рабочий день, издан декрет о страховании рабочих и служащих, ликвидированы сословия и чины, женщины получили равные права с мужчинами во всех областях общественной жизни. В короткие сроки СССР превратился в одну из двух сверхдержав, обеспечив тем самым мировое равновесие и высокий авторитет в мировом сообществе.

Во всех бывших 15 союзных республиках произошли изменения планетарного уровня. Достигнута всеобщая образованность населения, обеспечены социальные гарантии, создана оборонная экономика. По объему промышленного производства СССР вошел в число наиболее развитых стран мира, осуществил прорыв в космос.

Для Беларуси с ее дореволюционным низким уровнем развития достижения в советское время были особенно впечатляющими. Республика приобрела в это время собственную государственность, значительно продвинулась в техническом и культурном уровне. Для БССР советская эпоха стала эпохой перехода в индустриальную фазу развития. Такой переход совершался с высокой степенью инициативности и самоорганизации белорусского народа. Сильной стороной советской власти была ее социальная политика. Реально обеспечивались бесплатное образование и здравоохранение, в развитии которых страна не отставала от мирового уровня, а иногда лидировала. В недавно еще безграмотном Северо-Западном крае была достигнута практически всеобщая грамотность. За годы советской власти Беларусь приблизилась к средневропейскому уровню развития. Однако объективный анализ и полная правда о нашем пути в советские годы свидетельствуют, что курс, проводимый руководством страны, нельзя признавать единственно правильным и высокоэффективным. На этом отрезке времени вместе с прогрессом в материальной и духовной сфере в стране имели место трагизм сталинских репрессий, застой и ограниченность национально-культурной жизни, другие деформации. Многие осуществлявшиеся в стране грандиозные проекты характеризовались серьезными потерями, неоправданно расточительными растратами народных сил и средств. Отрицать ошибки и трагические эпизоды ранней советской истории – это неразумное поведение политиков и ученых.

Несомненно, при написании истории Отечества и проведении учебного процесса специалисты должны опираться на концепцию ее целостности и неделимости. С учетом нового периода трансформации исторической науки, связанной с пересмотром теоретического багажа и методологического инструментария, исследователям предстоит серьезная работа по расширению собственного горизонта исторического познания. При этом следует непременно извлекать позитивный и негативный опыт, который Октябрьская социалистическая революция передала мировому сообществу. Используя междисциплинарные научные подходы и методы, отходя от привычных схем и догм, не отбрасывая интеллектуального наследия великих умов (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ульянова-Ленина и др.), историк обязан показать истинное место и роль Октябрьской революции в истории человеческой цивилизации. Подобный подход поможет прийти к выводу, что Октябрьская социалистическая революция открыла новые перспективы в прогрессивном развитии общества. При всем расхождении взглядов на данное событие нельзя отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное воздействие на развитие народов всей планеты. Уроки Октября, их усвоение помогли многим странам заблаговременно разрешать возникающие неопределенности и предотвращать назревающие конфликты.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что, как и всякое грандиозное событие, Октябрьская социалистическая революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество вопросов. Но объективное осмысление проблем, связанных с этим явлением, приводит к выводу, что она вошла в число наиболее значимых событий начала XX в. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба. Порывая с дореволюционным прошлым, Великая Октябрьская социалистическая революция утвердила в нашей и в целом ряде других стран социалистическую эпоху, которая наряду с ошибками, заблуждениями содержала немало позитивных свершений. Она привела страну к радикальной модернизации, воплотила в реальность многие народные ожидания. Неодолимая жажда созидания, овладевшая массами в советское время, привела к осязаемому результату. В короткие сроки в стране был создан огромный экономический, научно-технический и военный потенциал.

В Беларуси 7 ноября с полным официальным названием — Великая Октябрьская социалистическая революция — остается и поныне официальным государственным праздником и выходным днем. Правильная интерпретация в исторических трудах этого эпохального события и последовавшего за ним развития имеет важное теоретическое и практическое значение для будущих поколений. Формирование и становление социально ориентированного государства в Республике Беларусь будет во многом определяться тем, как будет использовано все позитивное, что было после Октября.

Литература

1. Вернер, Э. Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. / Э. Вернер. — М., 1990. — 412 с.
2. Emmons, N. Emancipation of the Russian Serfs / N. Emmons. — New York, 1970. — P. 62.
3. Лакер, У. «Черная сотня. Происхождение русского фашизма» / У. Лакер. — М.: Изд-во «Проблемы Восточной Европы», 1994. — 478 с.
4. Зюзькоў, А.Ш. Бальшавікі — арганізатары Кастрычніка / А.Ш. Зюзькоў. — Мінск, 1934; Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К. Шчарбакоў. — Мінск, 1934.
5. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. — М., 1975; Ганелин, Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция / Р.Ш. Ганелин. — СПб., 1991; Старцев, В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. / В.И. Старцев. — Л., 1977; Кирьянов, Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.) / Ю.И. Кирьянов. — М., 1993.
6. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік: у 2 ч. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. — 2-е выд., перапрац. і дап. — Мінск: Універсітэцкае, 2000. — Ч. 2: Люты 1917. — 2000. — 464 с.; Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. — 5-е выд. — Мінск, 1991; Сташкевич, Н.С. Приговор революции: крушение анти-советского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н.С. Сташкевич. — Минск, 1985.
7. История Беларуси: учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: в 2 ч. / Я.И. Трещенок; А.А. Воробьев, Н.М. Пурьшева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. — Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. — Ч. 2. — 310 с.
8. Карр, Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923 / Э. Карр. — М.: Прогресс, 1990. — 768 с.
9. Степун, Ф.А. Сочинения / Ф.А. Степун. — М., 2000. — 617 с.
10. Воспоминание о В.И. Ленине: в 10 т. — М., 1989. — Т. 3.
11. Мандрык, І.У. Гісторыя Беларусі (у кантэксте сусветнай гісторыі) / І.У. Мандрык. — Віцебск: ВФ УА ФПБ «МПСА», 2009. — 276 с.
12. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. — М.: Воениздат, 1983. — 256 с.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 2007. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.). — 519 с.

Поступила в редакцию 19.04.2017 г.